Х. И. Халил

О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РОМАНА А. Н. ТОЛСТОГО «АЭЛИТА»

Работа представлена кафедрой истории русской литературы
Санкт-Петербургского государственного университета.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Л. П. Григорьева

Статья посвящена жанровым особенностям романа А. Н. Толстого «Аэлита». Вопрос о жанровых особенностях романа «Аэлита» чрезвычайно важен в свете поставленного вопроса о характере пародичности. Статья опирается на анализ самого романа и выявляет жанровые характеристики романа.

Ключевые слова: пародия, пародийность, пародичность, А. Н. Толстой, роман, Аэлита.

The article is devoted to the genre features of the novel «Aelita» by. A. Tolstoy. The question of genre features of the novel «Aelita» is extremely important in the light of the parody nature. The article is based on the analysis of the novel and identifies its genre characters. The article is intended for specialists in the history of Russian literature and those who study A. Tolstoy's works.

Key words: parody, mock, burlesque, A. N. Tolstoy, novel, Aelita.

Роман «Аэлита» представляет собой одновременно существенный факт русской рецепции эмигрантского творчества писателя и важнейшую веху его творческого становления как романиста, идеолога и художественного критика.

Сложность восприятия романа в России на разных исторических этапах отчасти связана с переработкой писателем первоначального текста романа 1922–23 гг. для советских переизданий. Легко предположить, что именно переработка Толстым романа внесла в него основные пародийные моменты, связанные с двойной позицией художника, вернувшегося на Родину из любви к ней, но не к большевикам, – однако прочтение первого варианта романа на необходимом уровне глубины показывает, что пародичность носит внутренний, идейно-эстетический, порой лирически-субъективный характер.

Значительно важнее та «первичная» пародийность, которая органично присуща порождению романного текста вообще.

Роман, по своей жанровой сущности способный служить средством художественного исследования, сближать далекие друг от друга концепции, пародийно отражая их друг в друге, является мощным гносеологическим орудием для художника слова, и особенно в той ситуации острейшего идейного и духовного поиска, в которой находился Толстой накануне возвращения в Россию из эмиграции. Сопоставление текста романа с публицистикой и художественной критикой писателя начала 20-х гг. XX в. («Перед картинами Судейкина», «Открытое письмо Н. В. Чайковскому». «Письмо Андрею Соболю», «О новой литературе», «Россия Григорьева» и др.) показывает как идейно-художественное единство этого корпуса единовременных текстов, так и принципиальную разницу в постановке вопросов и в проблематике в целом. На фоне однозначности и тематической изолированности высказываний в публицистике ярче видна тонкость диалектического хода мысли в «Аэлите», неразрывно связанная с пародичностью романного жанра. Изучение внутренних жанровых механизмов «Аэлиты», прежде всего пародичности, позволило бы лучше понять как собственно идейный поиск автора, так и его включенность в напряженную работу над новыми формами романной поэтики, имеющую в 20-е гг. XX в. общеевропейский масштаб – достаточно упомянуть, что фактически одновременно с «Аэлитой» выходит «Улисс» Джойса. Если по влиятельности на литературный процесс и художественным достижениям в целом эти романы сопоставлять и некорректно, то по степени пародичности, по особенной свободе ее использования это вполне возможно.

Вопрос о жанровых особенностях романа «Аэлита» чрезвычайно важен в свете поставленного вопроса о характере пародичности. Является ли роман «фантастическим, или «научно-фантастическим», или «социально-фантастическим», приближается ли он к «социальному реализму» или является неудачной вариацией авантюрного повествования на революционную тематику, – все это обсуждалось довольно обстоятельно [2, с. 50–53], но удовлетворительной точности определения достигнуто не было. Самая суть романного жанра, велящая ему быть исследованием и проблемой, а не констатацией и системой, протестует против ограничений указанного выше свойства. Несомненно, любое определение кладет пределы называемому явлению, но в данном случае ни выдвижение фантастического – у Толстого чистого приема – в первый ряд дефиниции, ни попытки определить степень «социальности» не подходят к сути дела. Нет сомнения, что Толстой был увлечен «фантастической» жанровой оболочкой своей книги, ему вообще нравилась позиция писателя, любимого читателем за занимательность, автора «романа с замками, подземельями и привидениями» [3, с. 77].

Он с увлечением отдает некую – периферийную, небольшую – долю писательского внимания футурологическому аспекту «уэллсовского» романа. Он, например, обнаружил высокую проницательность в предсказании некоторых социально-психологических и чисто научно-технических новшеств, которые вошли в XX в. в жизнь в форме «марсианских» общественных проявлений. Таковы, например, наркотики. Массовое вдыхание «драгоценного» дыма хавры всеми марсианами – часть механизма управления обществом. Писатель также догадывался о роли понятия «цифры» в технике будущего – у него появляется некая «цифровая доска» в роли компьютера или центра управления. Как инженер, он оценил «яйцеобразную» форму космического аппарата, взятую у Циолковского, но приспособленную к собственным эстетическим внутрироманным целям, а также общение по компьютеру с применением видео, мобильную связь и кое-что другое. Все это делает книгу интересной – правда, по-иному, нежели для ее первых читателей, – но совершенно не определяет ее сути.

Не является «Аэлита» при ближайшем рассмотрении и социальным романом. Подлинно реалистическая разработка в романном жанре требует иной глубины погружения в историю, социум и психологические глубины, чем может предложить избранная писателем марсианская обстановка с откровенно условными синекожими марсианами; ее нельзя ограничивать рамками утопии или антиутопии, хотя с последней кое-что «Аэлиту» сближает, и в ней слишком много указаний на большую идейность эпохи – не меньше, чем, к примеру, в «Волшебной горе» Т. Манна, – чтобы мы сочли ее авантюрно-приключенческой жанровой массовой литературой.

Жанр определяется углом зрения на мир, он отвечает самым общим познавательным установкам, он существует на уровне мировоззренческого единства творчества в каждый данный момент эволюции писательского творчества. В этом понимании «Аэлита», знаменующая собой момент решения Толстого вернуться на Родину, но Родину в руках тех, кого писатель до конца дней не простил [1, с. 36–57], роман, отражающий все сложности такого решения, должен отражать эту напряженную биографическую, мировоззренческую, этическую и эстетическую ситуацию.

В самом деле, «Аэлита» проявляет все признаки интеллектуального романа,

какие появлялись в это кризисное время и на Западе, с ведущей историософской проблематикой («Волшебная гора», позднее «Иосиф и его братья» Т. Манна, «Улисс» Джойса и др.). Обращение, большее или меньшее, к мифу и мифопоэтике как «убийце времени», сгущенная игровая атмосфера, вовлекающая в себя весь идейный ряд, входящий в роман, часто облегченность и некоторая схематичность в трактовке персонажа вплоть до его депсихологизации, густая и сложная пародийность, интертекстуальность – таковы черты такого романа. «Аэлита» долго существовала под маской «приключенческой литературы для среднего и старшего возраста», чему немало способствовал и сам автор. Заметная актуализация творчества Толстого в последние годы определяется необходимостью более глубокого понимания сложной фигуры писателя, исправления аберраций восприятия, в первую очередь романа «Аэлита», интерпретация которого предполагает большее внимание к его подтекстовым структурам, несущим мощный заряд интертекстуальности и пародийности.

К частной и дополнительной проблематике, исходящей из описанной выше общей, следует отнести отношения Толстого как мыслителя с ницшеанством, шпенглерианством, русским большевизмом как явлением не только морально-политическим, но и таким, за которым художник признавал цивилизационный масштаб, а также с понятым как цивилизационная общность западным менталитетом; далее, осмысление Толстым новых проявлений технического прогресса и универсальных проблем варварства и цивилизации, действия и созерцания. За каждой из них стоит длинный ряд конкретных философских, моральных, политических учений и связанная с ними художественная литература.

Сюжетно-мотивная и образная системы, равно как и система персонажей, являются воплощением описанной идейной сложности в пародийных романных формах «Аэлиты». Интересно, что наблюдается неуравновешенность внутри этих традиционных форм организации литературного материала: среди персонажей резко выделяются два центральных, отчетливо и глубоко разработанных – Лось и Гусев, остальные связаны с ними как их отражение или характеристика (Маша, Ихошка по отношению к Гусеву), или почти неприкрыто носят служебный характер, или даны как «рупоры идей» (Тускуб); диспропорционально выглядит при анализе и соотношение нарочитой простоты собственно сюжетного действия (полет – встреча с марсианами – восстание – бегство назад на Землю) с тщательный разработкой как внутрисюжетных мотивов, так и опосредованно связанной с сюжетом образной системы. Можно предположить, что роман носит своеобразный «лабораторный» характер: замысел автора реализуется дважды, на поверхности как аналог позитивистской научной фантастики в духе Жюля Верна, и этому уровню соответствуют депсихологизированность и неразработанность персонажей, простой и грубый ход традиционного авантюрно-приключенческого сюжета, акцент на экзотическом инопланетном антураже и некоторый футурологический научно-технический и социальный элемент; второй же раз роман может быть прочитан иначе, и под этим вторым углом зрения сюжет и персонажи, спрятанные под поверхностью готового жанра, образуют глубоко личную и лирическую разработку актуальных для автора в начале 20-х гг. XX в. проблем в широком спектре – от судеб России и Европы до лично переживаемой литературно-эстетической полемики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бунин И. А.* Воспоминания. Париж: Renaissance, 1950. 223 с.

2. *Голубков С. А.* Функция иронии в социальной фантастике А. Н. Толстого// А. Н. Толстой. Материалы и исследования: Межвузовский сборник научных статей. Куйбышев, 1983. С. 50–53.

3. *Скобелев В. П.* А. Н. Толстой. Новые материалы и исследования. М.: Наследие. 1995.